

Х. Н. Момджян

За творческую разработку вопросов марксистско-ленинской философии

Работа товарища Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» не только разоблачила идеалистическую, антимарксистскую сущность маррорского учения о языке, не только заложила основы стройной, последовательно-научной, марксистско-ленинской лингвистики, но и творчески развила марксистско-ленинскую философию.

Определение сущности базиса и надстройки, раскрытие взаимоотношений, существующих между ними, определение роли надстройки в оформлении и в победе своего базиса,—являются последним словом исторического материализма по данным вопросам.

Как и другие произведения творческого марксизма, труд И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» родился на основе глубокого обобщения практики и, в частности, практики строительства социализма. И потому, что это изумительное произведение рождено задачами практической борьбы за новое, передовое, правильно и глубоко обобщает практику, оно обладает такой неисчерпаемой силой революционного воздействия на жизнь, на практику.

Определение сущности надстройки, раскрытие ее активной природы, ее классово-служебной роли, обнаружение тех особенных функций, утратив которые надстройка перестает быть надстройкой, имеют исключительное значение для нашей практической деятельности, для нашей борьбы за переход от социализма к коммунизму, за сокращение сроков этого перехода.

Сталинокие положения о надстройке дают нам возможность еще глубже осознать историческое призвание социалистической надстройки и, в первую очередь, роль большевистской партии и Советского государства в победе коммунистического общества. Они теоретически обосновывают необходимость дальнейшего укрепления Советского государства и партийных организаций, которые составляют руководящее, направляющее ядро всех общественных и государственных организаций в СССР. В свете новой работы И. В. Сталина мы с большей отчетливостью понимаем роль политики партии—этой жизненной основы советского строя—и значение неукоснительного осуществления этой политики для достижения наших исторических целей.

Учение товарища Сталина о служебной роли надстройки помогает нам глубже осознать исторический смысл решений ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам. Оно теоретически вооружает наши кадры в их борьбе против буржуазного объективизма, аполитизма и беспартийности,

против всех форм проявления примиренческого отношения к буржуазной идеологии, к буржуазным концепциям, к остаткам ликвидированной в нашей стране буржуазной надстройки — к пережиткам капитализма в сознании людей. Оно предостерегает нас от идеализации прошлого, от идеализации старых надстроек, от попыток некритического унаследования отдельных ее элементов.

Наконец, учение товарища Сталина об активной природе надстройки призывает наши кадры к еще более глубокому и творческому изучению марксизма-ленинизма—этой идейно-теоретической основы всех элементов социалистической надстройки.

Таково далеко не полное значение учения И. В. Сталина о надстройке для нашей революционно-практической деятельности. Сталинские положения о надстройке зовут нас к укреплению принципа партийности на всех участках нашей деятельности. Они зовут к бдительности, к непримиримости в отношении враждебного капиталистического мира, ко всем возможным политическим, экономическим, идеологическим агрессиям этого умирающего мира.

Подавляющее большинство наших теоретических кадров, правильно поняв политическую целенаправленность учения товарища Сталина о базисе и надстройке и руководствуясь его основополагающими принципами, начало разрабатывать проблемы, имеющие непосредственное революционно-практическое значение, содействующие построению коммунистического общества. Внимание этих кадров было сконцентрировано на роли социалистической надстройки и, в первую очередь, на вопросе о роли большевистской партии и Советского государства, всей советской идеологии в переходе от социализма к коммунизму. Руководствуясь указаниями товарища Сталина, наши теоретические кадры с большим энтузиазмом взялись за разработку проблем, связанных с раскрытием особенностей социалистической надстройки, ее гармонического единства со своим базисом, ее монолитности, исключительной активности социалистической надстройки, обусловленной особенностями возникновения и развития социалистического общества и целого ряда других актуальных проблем.

Следует однако отметить, что среди наших философских кадров нашлись отдельные товарищи, которые подошли к вопросу о базисе и надстройке не с позиций творческого марксизма, а с позиций начетничества и галмудизма. Идя по этому пути, они должны были прийти к совершенно неверным выводам.

Мы говорим о тех, кто странным образом сконцентрировал все свои силы на сужение понятия надстройки, на выключении из ее состава если не в целом литературы, искусства, философии и т. д., то каких-то их частей. Если дать общую характеристику этой попытке, то следует отметить, что она в основном сводится к сужению классово-партийного начала в идеологии классовых обществ и к непомерному расширению надклассового, общечеловеческого начала в ней.

Остановимся сперва на причинах, побуждающих некоторых наших товарищей брать под сомнение надстроичность или вернее полную над-

строечность литературы, искусства, философии и других форм общественного сознания. Чем это вызвано? Можно было бы указать на три основные побудительные мотивы, толкающие некоторых наших философов к отрицанию полной надстроечности литературы, искусства и других форм общественного сознания. Эти мотивы следующие:

1. Марристы полагали, что язык является классовой, надстроечной категорией и в этом преимущественно видели марксистский характер своего лингвистического учения, а товарищ Сталин с исчерпывающей полнотой доказал ненадстроечный характер языка и вскрыл вульгаризацию и извращение марксизма Марром и его учениками. Не следует ли под этим углом зрения пересмотреть наши оценки литературы и искусства, как целиком и полностью надстроечных и классовых?

2. Характеризуя надстройку, товарищ Сталин включил в нее не политику, право, философию, литературу, искусство, религию, а политические, правовые, философские, художественные, религиозные взгляды и соответствующие им учреждения. Не следует ли отсюда, что надстроечным являются не само право, сама философия, литература и т. д., а лишь правовые, философские, художественные и другие взгляды?

3. Товарищ Сталин утверждает, что вместе с гибелью базиса погибает также и его надстройка. Некоторые наши товарищи, неправильно поняв это утверждение, заключают, что если литература, искусство, философия и т. д. относились бы целиком и полностью к надстройке, то с гибелью породившего их базиса должны были исчезнуть и они, чего мы не наблюдаем. Передовые, прогрессивные литературные, философские и другие произведения прошлого продолжают существовать и играют действительную роль и в условиях нового базиса. Отсюда делается вывод, что нельзя литературу, искусство, философию полностью и безоговорочно отнести к надстройке.

Таковы в основном аргументы, которые выставляются товарищами, склонными думать, что нельзя литературу, искусство и другие формы общественного сознания безоговорочно относить к надстройке.

Серьезный критический разбор этих аргументов показывает их полную несостоятельность. На самом деле, трудно ли заметить всю ошибочность попыток распространения оценки языка, как ненадстроечной категории, на литературу, искусство, философию и т. д. Сторонники этого взгляда предают забвению существеннейшие различия между литературой, искусством, философией, с одной стороны, и языком, с другой. Никто не может взять под сомнение, что литература, искусство, философия относятся к культуре. Если это так, а это несомненно так, то исключается возможность механического переноса оценки языка как ненадстроечной категории на литературу, искусство, философию и другие формы культуры. Товарищ Сталин со всей категоричностью указывает на недопустимость смешения культуры с языком. Критикуя марристов, он пишет: «Ошибка этих товарищей состоит здесь в том, что они отождествляют и смешивают язык с культурой. Между тем, культура и язык — две

разные вещи. Культура может быть и буржуазной и социалистической. язык же, как средство общения, является всегда общенародным языком и может обслуживать и буржуазную и социалистическую культуру»¹.

Итак, из ненадстроечного, неклассового характера языка не вытекает ненадстроечность и неклассовость культуры, к которой относятся литература, искусство, философия и т. д. Из определения культуры товарищем Сталиным непосредственно вытекает надстроечный и классовый характер литературы и искусства, что всегда было непоколебимым убеждением всех марксистов.

Остановимся теперь на попытке отнести к надстройке не литературу, искусство, философию, религию, право в целом, а художественные, философские, религиозные, правовые взгляды. Как мы видели, некоторые товарищи думают, что одно дело политика, другое дело политические взгляды, одно дело философия—другое дело философские взгляды. В надстройку, дескать, включаются политические взгляды, а не политика в целом. Что же не включается в надстройку? Оказывается то, что остается после вычитания из политики политических взглядов. Чтобы долго не останавливаться на этой странной арифметике, отметим, что товарищ Сталин, как нам кажется, не проводит принципиального отличия между политическими взглядами общества и его политикой, религиозными взглядами и религией и т. д. В некоторых случаях, характеризуя надстройку, он говорит о политических взглядах, в других случаях — о политике. Так, в работе «Относительно марксизма в языкознании» И. В. Сталин пишет: «...идеи, представления, нравы, нравственные принципы, религия, политика у буржуа и пролетариев прямо противоположны»².

Как видим, в данном случае, рассматривая вопрос о надстроечности, классовости культуры, товарищ Сталин говорит не о религиозных и политических взглядах, а просто о религии и политике.

Остановимся, однако, несколько подробнее на этом различении философии от философских взглядов, религии—от религиозных, права—от правовых, ибо это различение лежит в основе многих ошибок, содержащихся в статье В. К. Чалояна, посвященной вопросу о базисе и надстройке³.

Так, т. Чалоян утверждает, что в надстройку входят не политика, право, религия, литература, искусство, философия, а политические, правовые, религиозные, художественные, философские взгляды. Но что такое, согласно т. Чалояну, политические, правовые, религиозные, художественные, философские взгляды, в чем их отличие от политики, права, религии, литературы, искусства, философии? Товарищ Чалоян отмечает, что политические взгляды—это философия политики, правовые взгляды—

¹ И. В. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, изд. „Правда“, 1950, стр. 16.

² Там же, стр. 13.

³ См. статью т. Чалояна „О базисе и надстройке в свете работы товарища Сталина „Марксизм и вопросы языкознания“, Известия АН Армянской ССР (серия общественных наук), № 7, 1951.

это философия права, художественные взгляды—это философия литературы и искусства, наконец, философские взгляды—это своего рода философия философии. И поскольку, согласно товарищу Чалояну, в надстройку входят политические, правовые, религиозные, художественные и т. п. взгляды, а все эти взгляды в свою очередь сводятся к философским взглядам, то в надстройку в конце концов включаются только философские взгляды.

«Получается так,—пишет товарищ Чалоян,—что в формах общественного сознания одна только философия—философские (мировоззренческие) идеи и воззрения, обобщения и выводы—является надстройкой. Надстройка—это философия в науке, философия в естествознании, в праве, в истории и т. д. Надстройка—это философия в искусстве и литературе—художественные взгляды, философия в религии—религиозные взгляды»¹.

Таково то странное определение надстройки, которым товарищ Чалоян «обогащает» нашу теорию.

По мысли т. Чалояна, сами по себе ни политика, ни право, ни литература, ни философия не являются надстроечными и классовыми. Они носят надклассовый, общечеловеческий характер. Классовыми и надстроечными являются лишь философия политики, философия права, философия литературы, философия философии.

Скажем предварительно, что классики марксизма-ленинизма относили к надстройке или выключали из нее то или иное явление в целом, а не какую-нибудь его отдельную часть. Так, несмотря на наличие классовых жаргонов, несмотря на то, что «классы влияют на язык, вносят в язык свои специфические слова и выражения и иногда по разному понимают одни и те же слова и выражения»², товарищ Сталин, подходя к языку как к определенной качественной целостности, выключил из надстройки язык в целом, а не какую-нибудь его часть.

Если бы мы механически расчленяли целостные явления, как это делает т. Чалоян, то мы должны были бы выключить из надстройки общенациональные языки и включить в нее классовые жаргоны. А известно, что на вопрос, является ли язык надстройкой, товарищ Сталин дает четкий, однозначный ответ, — нет, язык не является надстройкой.

В каждом ненадстроечном явлении можно обнаружить элементы надстроечного порядка, как это мы видели, говоря о языке, и, наоборот, в каждом надстроечном явлении можно обнаружить элементы ненадстроечного характера. Но эти элементы не могут изменить качественность данного явления, как целостного явления.

Можно ли, как это делает т. Чалоян, расчленять литературу на отражение реального бытия и на теоретическое осмысление этого бытия, и на этом основании первое из этих частей объявлять общечеловеческим, а второе—классовым, надстроечным. Имеет ли этот дуалистический подход

¹ См. Известия АН, № 7, стр. 100.

² И. В. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 34.

к литературе и искусству какое-нибудь основание под собой? Если не раздувать и абсолютизировать отдельные факты в истории литературы и искусства, то можно сказать, что это противоречие является надуманным и искусственным. Как правило, в классовом обществе писатель отражает объективную действительность не как зеркало, не как фотографический аппарат, а с определенных классовых позиций. Товарищ Чалоян наивно полагает, что будто бы образы в произведениях писателя возникают сами по себе, независимо от философских, политических, этических убеждений и взглядов их творца. Возьмем к примеру нашего Хачатура Абовяна, его бессмертные «Ганы Армении», образы действующих лиц в этом романе, их взаимоотношения, идеалы положительных героев, разрешение конфликтов,—разве все это не носит на себе печать убеждений и взглядов великого канакерца. Трудно ли понять, что «большой, обобщающий образ есть ничто иное как выражение идеи писателя в специфическо-художественной форме? Идеи и образы в художественном произведении не сосуществуют рядом, они слиты, едины, настолько едины, что невозможно их растасовать по полком, включать одни из них в надстройку, а другие неизвестно куда.

Руководствуясь методом механистического расчленения целостных, качественных явлений на составные их части, т. Чалоян резко различает фактический материал того или иного философского или исторического произведения от его методологии, от классово-партийных убеждений автора данного произведения. Нет сомнения, что мы пользовались и будем критически использовать большой фактический, эмпирический материал, накопленный серьезными буржуазными учеными прошлого и в особенности естествоиспытателями. Но т. Чалоян не желает довольствоваться сказанным. Он проводит принципиальную грань между эмпирическим материалом и обобщениями.

Так, отметив неклассовый, ненадстроечный характер формальной логики, т. Чалоян пишет: «То же самое можно сказать относительно истории философии; точное и правдивое изложение чередующихся философских систем, связи и отношения, влияния и воздействия между отдельными направлениями и школами, установление факта и события различного рода не могут не иметь общего для всех значения, не могут иметь ни классовый, ни надстроечный характер»¹. Конечно, при «точном и правдивом» изложении фактов будет иметь место объективное воспроизведение тех или иных исторических явлений. Но вопрос здесь в том, воспроизводит ли буржуазная историография факты и их связи «точно и правдиво»? Тов. Чалоян, видимо, забывает, с какой «точностью и правдивостью» воспроизводятся исторические факты и их связи в писаниях, скажем, палача Парижской Коммуны, историка Тьера, с какой «точностью и правдивостью» воспроизводится фактическая сторона истории второй мировой войны в писаниях историков американо-английского империализма. Пусть

¹ Известия АН, № 7, стр. 100.

товарищ Чалоян еще раз прочтет работу «Фальсификаторы истории», чтобы вспомнить, что проделывают с фактами современные историки империализма.

Но возьмем пример, который приведен самим т. Чалояном, пример с историей философии Гегеля. Тов. Чалоян представляет дело таким образом, что будто бы классики марксизма-ленинизма положительно относились к фактической стороне «Истории философии» Гегеля и критиковали лишь ее методологическую концепцию. Где тов. Чалоян вычитал эти «истины»? Разве ему не известны гневные заметки В. И. Ленина, сделанные на полях «Истории философии» Гегеля? Разве Гегель в угоду идеализма и поповщины не искажал факты, не причижал материалистов, не умалчивал их заслуги, не приписывал им вздорные идеалистические взгляды?

В угоду своей надуманной схеме тов. Чалоян очень вольно обращается с фактами. Он забывает, что в буржуазной историографии факты и их связь сплошь и рядом извращаются и искажаются во имя фальшивой концепции, что факты и их интерпретация в работах буржуазных историков не являются оторванными друг от друга, самостоятельными началами. Вот почему в надстройку включается не одна лишь интерпретация фактов, которая без фактов и не может существовать, а история философии в целом.

Механическое обособление фактического материала от выводов и обобщений ведет к некритическому отношению к фактическому материалу буржуазной историографии. Придерживаясь этой ошибочной точки зрения, придется признать, что советская историческая наука отличается от буржуазной историографии только методологическими выводами и едина с ней по своей фактической основе. Утверждая подобные мысли, мы, независимо от наших добрых намерений, сближаем советскую науку с буржуазной наукой, в то время как наша теоретическая мысль должна идти не по линии сближения советской науки, литературы, искусства с буржуазной, а по линии обнаружения их коренных расхождений и противоречий, должна показать несравненное превосходство нашей науки — и по методологической своей основе и по фактическому материалу — над буржуазной наукой.

Содействуют ли толкования надстройки со стороны тт. Трофимова, Чалояна и других этой задаче? Нет, эти толкования, основанные на сужении классово-партийного начала в идеологии классового общества и расширения надклассового, общечеловеческого в ней, плохо увязываются с марксизмом-ленинизмом, не помогают нам в нашей практической деятельности, они способны внести путаницу в головы, ослабить нас в нашей борьбе против буржуазного объективизма, против аполитичности и беспартийности в теории.

Мы говорили выше, что некоторые наши товарищи приходят к выводу о ненадстроечности или неполной надстроечности литературы, искусства, философии на основании неправильного, как нам кажется, понимания той истины, что вместе с базисом исчезает и его надстройка. Они рассуждают так: если творчество Шекспира, Леонардо да Винчи и других

великих прогрессивных писателей, художников, композиторов находят нынче на вооружении социалистического общества, если эти произведения доставляют людям нового общественного строя огромное эстетическое удовольствие, если они не утратили своего познавательного значения и продолжают играть определенную воспитательную роль, то отсюда якобы следует, что эти произведения не могут быть отнесены к надстройке. В противном случае, утверждают защитники этой точки зрения, если творчество Шекспира является порождением определенных экономических отношений, если оно служило делу укрепления этих отношений, то каким образом с их исчезновением это творчество продолжает существовать и может быть использовано в условиях другого базиса и другой надстройки?

Следует несколько подробнее остановиться на этих рассуждениях, ибо в своеобразной форме они служат подспорьем и для тов. Чалояна, и, как увидим дальше, приводят его к совершенно неправильным выводам.

Нет сомнения, что с гибелью данного базиса погибает и его надстройка. Но что это значит? Известно, что возникновение и развитие рабовладельческого общества вызвали к жизни, например, античную философию, которая защищала рабовладельческие отношения, являлась, следовательно, частью рабовладельческой надстройки. Рабовладельческий базис давно исчез, но исчезла ли античная философия, скажем, философия Аристотеля? Да, она исчезла, но исчезла как элемент надстройки, и в то же время продолжает существовать как культурное наследие. Она исчезла как надстройка, ибо утратила возможность выполнять основную функцию надстройки: укрепление своего базиса, которого уже нет. Конечно, в наше время античная философия, литература, искусство перестали быть надстройкой, но это не дает основания полагать, что в свое время они не были продуктом определенного базиса и не служили ему.

С гибелью капиталистического базиса уничтожаются буржуазная политика, буржуазное право, реакционная, человеконенавистническая, улагодническая буржуазная литература, искусство, религия и т. п. Достаточно вспомнить, что победивший пролетариат не видоизменяет и не усовершенствует буржуазный государственный аппарат, а ломает его.

Но так ли относится победивший пролетариат к тому прогрессивному и передовому, что содержалось в идеологии буржуазии, когда последняя исторически была революционным классом. Разве мы с порога отвергаем передовую буржуазную культуру т. н. «эпохи Ренессанса», французский материализм XVIII века, творчество Гёте и многих других представителей буржуазной культуры периода ее расцвета? Нет, это не наша точка зрения, это точка зрения вульгаризаторов марксизма—пролеткультовцев.

Итак, все, что составляло надстройку над буржуазным базисом, погибает с гибелью последнего. Но определенные элементы буржуазной надстройки, передовая в свое время буржуазная литература, искусство, философия, утратив вместе с гибелью буржуазного базиса свой надстроечный характер, критически наследуются победившим пролета-

риатом, служат мыслительным материалом для создания качественно новой социалистической культуры.

Итак, из того неоспоримого факта, что, скажем, творчество Шекспира, как культурное наследие, не погибает вместе с гибелью породившего его базиса, не следуют ни надклассовость, ни ненадстроечный характер этого творчества.

Для объяснения того факта, что ряд культурных явлений переживает базис, который их породил и которому они служили, товарищ Чалоян прибегает к провозглашению этих явлений надклассовыми и ненадстроечными.

Так, тов. Чалоян считает, что все классовое, надстроечное в формах общественного сознания является преходящим, временным и неистинным. В противовес этому, непреходящим, вечным, истинным тов. Чалоян считает надклассовое, общечеловеческое.

Тов. Чалоян пишет: «Наука включает в себя как общее для всех слоев общества, так и частное или особенное, принадлежащее только одному классу; она включает в себя как постоянное, так и преходящее»¹. Из данной фразы видно, что, по тов. Чалояну, общечеловеческое — это вечное, классовое же — преходящее.

Далее мы узнаем, что истинным является только общечеловеческое, ненадстроечное. Отсюда логически следует, что все классовое является не только преходящим, но и неистинным.

Убедимся сперва, что тов. Чалоян действительно защищает эту ошибочную мысль.

«...В теории,—пишет он,—в раскрытии объективных истин, где проявляется всеобщность интересов, не может быть ничего надстроечного, а в философских взглядах, в методе и мировоззренческих началах, где проявляются интересы господствующего класса, не может не сказываться надстройка»². Нетрудно видеть, что объективные истины тов. Чалоян ищет лишь в сфере «всеобщности интересов», в сфере надклассовой. Отсюда же логически следует, что надстроечное, классовое, не может претендовать на объективность, истинность.

«...Бывает, когда общественная наука господствующего класса, — пишет т. Чалоян,—выходит из рамок классовой ограниченности и устанавливает объективную истину общественного развития»³.

Секрет долголетия классиков культуры тов. Чалоян пытается объяснить надклассовыми, ненадстроечными началами их творчества. Он пишет: «Имея в виду именно эту непреходящую и ненадстроечную сторону литературы и искусства, можно утверждать, что великие мастера прошлого сегодня вместе с нами...»⁴

¹ Известия АН, № 7, стр. 94.

² Там же, стр. 95.

³ Там же, стр. 96.

⁴ Там же, стр. 99.

Итак, чтобы открыть объективную истину, нужно, по Чалоячу, избавиться от классовости. Эта ложная мысль пронизывает все рассуждения тов. Чалояна и в оголенном виде обнаруживается в утверждении, что якобы «истинно-прекрасное не может принадлежать надстройке, не может иметь ни классовый, ни партийный характер».

Здесь же отметим, что для подтверждения своей неверной мысли тов. Чалоян неправомерно ссылается на тов. Жданова, неправильно трактует его слова. На самом деле, что говорит тов. Жданов? Он говорит, что «А. Н. Серов был глубоко прав, когда говорил: «над истинно-прекрасным в искусстве—время бессильно». Но тов. Жданов нигде не говорит, что истинно-прекрасное есть неклассовое, ненадстроечное. Такие выводы сделал сам т. Чалоян. Если истинно-прекрасное является надклассовым, то придется вслед за этим признать один из этих несуразных выводов: Горький или не создал истинно-прекрасных вещей, или же не был классовым писателем.

Тов. Чалоян, не замечая того, сползает здесь на идеалистическое понимание критерия истинности, согласно которому критерием истины является общезначимость, согласие всех людей в тех или иных утверждениях. У тов. Чалояна также получается, что истинным, объективным является то, относительно которого имеется единодушное суждение представителей всех общественных классов.

Нетрудно заметить какими серьезными ошибочными выводами чреват это утверждение тов. Чалояна.

В чем теоретический корень ошибок т. Чалояна? Следует в первую очередь отметить, что т. Чалоян предаст забвению диалектику относительной и абсолютной истины, то марксистское положение, согласно которому наше познание развивается по восходящей линии через цепь относительных истин, каждая из которых содержит в себе частицу абсолютной истины и приближает нас к ней. В классовом обществе эти относительные истины не могли не носить классовый характер. Ведь они открывались не абстрактными людьми, находящимися вне времени и пространства, а идеологами определенных общественных классов. Отсюда следует, что нет разрыва между понятием истины и классовостью. Дело здесь заключается в том, о каком классе идет речь, о прогрессивном или реакционном, о классе, заинтересованном в раскрытии объективных истин, или же о классе, который заинтересован в замалчивании, в искажении истины.

Обратимся к истории. Известно, что французский материализм XVIII века был порожден растущими буржуазными отношениями и защищал эти отношения, боролся против феодального базиса и феодальной идеологии, содействовал победе буржуазного базиса. Следовательно, нет сомнения, что французский материализм XVIII века носил явно выраженный надстроечный, классовый характер. Отсюда следует, что принципы французского материализма не могли быть признаны истинными всеми общественными классами. Достаточно вспомнить с каким ожесточением господствующие феодальные сословия Франции, и не

только Франции, пытались искоренить французский материализм XVIII века. Отсюда следует, что принципы французского материализма не могли быть общепризнанными, надклассовыми. Всего этого достаточно, чтобы, руководствуясь критериями тов. Чалояна, провозгласить истины, вернее относительные истины, защищаемые французскими материалистами, заблуждениями, т. к. их утверждения носили классовый и надстроечный характер.

Руководствуясь странными оценками тов. Чалояна, вслед за этим мы должны признать, что взгляды представителей русского классического материализма XVIII—XIX вв. также не могут быть признаны истинными в наказание за их классовый характер.

Позволительно спросить у т. Чалояна, кто же обеспечил великие достижения человеческой мысли, культуры, науки? Если согласиться с т. Чалояном, то получается, что подлинные истины, подлинные, объективные достижения науки, искусства, литературы, были приобретены лишь усилиями людей, стоявших вне классов, вне классового мировоззрения. Но известно, что в классовом обществе таких людей не существует. Что же остается в таком случае делать? Остается, по т. Чалояну, признать что великие, бессмертные, непреходящие культурные ценности создавались тогда, когда великие мастера отрекались от своей классовой принадлежности, становились над мировоззрением и выше мировоззрения своего класса, переходили на позиции надклассовости, общечеловечности.

А не наоборот ли, спросим мы у т. Чалояна? Не вернее ли предположить, что бессмертные заслуги великих деятелей культуры были обусловлены тем, что в свое время они стояли на позициях наиболее исторически прогрессивных классов, выражали чаяния и интересы тех общественных классов, которые были носителями общественного прогресса, были заинтересованы в обнаружении объективной истины, не боялись ее?

Шекспир не был бы Шекспиром и не был бы дорог для нас, если бы он в свое время не выступил как представитель передовой мысли своей эпохи, как борец против феодально-клерикального обскурантизма, против старого, отжившего свой век крепостничества в мыслях и учреждениях. Он не был бы велик, если бы не облек свои передовые взгляды в адекватную им художественную форму, не защищал бы победу более передового общественного строя.

Нужно учесть при этом, что идеолог передового класса выражает в определенной мере чаяния и интересы широких народных масс. В этом и только в этом смысле он бывает свободен от узкокорыстной классовой ограниченности. Но быть свободным от узкоклассовой ограниченности не значит быть свободным от классовых позиций вообще.

Энгельс указывал, что люди, обеспечившие господство современной буржуазии, «...были чем угодно, но только не буржуазно-ограниченными»¹. Эта оценка относится к буржуазным деятелям т. н. «эпохи Ренессан-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 476.

са». Уже первая часть фразы Энгельса показывает, что они утверждали победу буржуазного строя, занимали классовые позиции, были носителями классового, буржуазного мировоззрения, но, скажем, в отличие от современных сартров и дьюи, не отличались узкоклассовым корыстием, узкой буржуазной ограниченностью.

Весь дух статьи т. Чалояна показывает, что он не понимает, что классово-партийный характер отражения действительности данным идеологом не исключает объективность, правильность, истинность отражения, если только этот идеолог стоит на позициях передового класса.

Марксизм-ленинизм—самая партийная, строго классовая наука, но кто не знает, что вместе с тем он дает наиболее объективное, правильное, истинное отражение действительности и поэтому является таким могучим орудием революционного преобразования действительности.

Итак, зря т. Чалоян так страшится классовости отражения действительности, полагая, что такое отражение неминуемо лишает возможности получения объективных истин.

Зря т. Чалоян пытается бросить якорь истины в тину абстрактных, надклассовых, сверхклассовых отношений. Это—царство безжизненных абстракций в условиях классового общества, и здесь невозможно найти искомый родник истины.

Надуманый, ошибочный характер носят утверждения т. Чалояна относительно скачков в общественном развитии.

Вопреки истине, т. Чалоян принципиально отличает взрыв в базисе от взрыва в его надстройке. Отталкиваясь от этой ложной посылки, он создает следующую схему: при переходе от рабовладельческого общества к феодализму не было взрыва ни в базисе, ни в надстройке; при переходе от феодализма к капитализму не было взрыва в базисе, но был взрыв в надстройке и, наконец, при переходе от капитализма к социализму имеет место взрыв как в базисе, так и в надстройке.

Так, рассматривая переход от феодализма к капитализму, т. Чалоян пишет: «Революция в базисе, возникновение нового экономического строя совершились также без взрыва, в то время как революция в надстройке—свержение феодального политического строя—совершилась путем взрыва»¹.

Под взрывом в надстройке т. Чалоян подразумевает в данном случае насильственное уничтожение феодального государства, насильственную политическую революцию, в результате которой власть перешла в руки буржуазии.

Но, позволительно спросить у т. Чалояна, разве насильственная политическая революция не обусловлена крайним обострением экономических противоречий, разве ее цель не заключается в упразднении одних экономических отношений и в утверждении новых, более прогрессивных экономических отношений? Разве основная задача всякой революции—насилие

¹ Известия АН. № 7, стр. 88.

ственный захват политической власти—не преследует как основную свою цель—уничтожение одних производственных отношений и утверждение других? Что такое политика, если не концентрированное выражение экономики? Разве взрыв в надстройке не есть взрыв в базисе, в системе старых производственных отношений?

Возьмем для примера Францию XVIII века. Известно, что здесь, в недрах феодального общества, созрели и окрепли капиталистические отношения наряду с феодальными экономическими отношениями. Рост капитализма тормозился феодальными производственными отношениями и феодальной надстройкой, — феодальным правом, государством, политикой, религией и т. п., — которая закрепляла и освящала эти феодальные производственные отношения. Известно, что в результате буржуазной революции 1789—1794 гг. французская буржуазия при помощи народных масс низвергла феодальное государство и захватила власть, чтобы навсегда покончить с феодальным базисом и феодальной надстройкой, заменить феодальную форму собственности и эксплуатации буржуазной формой собственности и эксплуатации. Как видим, насильственное низвержение власти господствовавших феодальных сословий и захват власти буржуазией преследовали задачу разрешения коренных экономических задач. Как же можно после этого механически различать взрыв в базисе от взрыва в надстройке? Не случайно поэтому, что в произведениях классиков марксизма-ленинизма мы не можем встретить различения взрыва в базисе от взрыва в надстройке.

Ошибочные утверждения т. Чалояна свидетельствуют, что он не понимает единства базиса и надстройки, не может взять в толк, что надстройка не есть нечто самостоятельное и независимое от базиса, и что, следовательно, взрыв в базисе совпадает со взрывом в надстройке.

Столь же ошибочна попытка т. Чалояна представить переход от рабовладельческого общества к феодальному как плавный и мирный процесс, исключаящий, по выражению т. Чалояна, взрыв как в базисе, так и в надстройке.

Общезвестно, что падение рабовладельческого общества было обусловлено нарастанием антагонистических противоречий между рабами и рабовладельцами, ожесточенная, насильственная борьба между которыми составляла внутреннее содержание всей истории римского общества.

Непрерывные восстания рабов подточили устой римского рабовладельческого общества и предопределили его гибель под ударами «варваров».

Если под взрывом в общественном развитии мы подразумеваем в первую очередь насильственное столкновение антагонистических классов, приводящее к гибели данную систему производственных отношений, данный базис с его надстройкой, то как можно, зная историю Рима, утверждать, что гибель рабовладельческого общества произошла без взрыва, мирным путем.

Само собой разумеется, что взрыв в рабовладельческом базисе и взрыв в феодальном базисе как по содержанию, так и по форме отличаются друг от друга. Конечно, было бы бесполезно в истории рабовладельческого общества искать революционный взрыв, по форме и методам осуществления подобный революции 1789—1794 гг. Из этого однако не следует, что переход от рабовладельческого общества осуществился мирным путем.

Подводя итог сказанному, мы можем отметить, что редакция «Известий» имела все основания выразить свое несогласие с рядом положений статьи т. Чалояна¹.

На объединенном заседании редакционной коллегии «Известий» и Сектора философии Академии наук Армянской ССР, посвященном обсуждению вопросов базиса и надстройки, были вскрыты наиболее неприемлемые положения статьи т. Чалояна². Выступившие в прениях товарищи справедливо указывали, что наличие этих непродуманных положений свидетельствует о том, что автор недостаточно глубоко знаком с теорией исторического материализма.

Недостатки статьи т. Чалояна говорят о том, как строго мы должны воздерживаться от поспешных и необоснованных выводов.

Для творческого развития нашей философской мысли мы должны глубоко и всесторонне знать практику нашей социалистической жизни, принимать самое деятельное участие в ней. Без этого важнейшего условия исключается возможность творческой разработки философских вопросов. Ни в одной науке, а тем более в области марксистско-ленинской философии, нельзя создать нечто новое и ценное методом формально-логических силлогизмов. Этим путем можно притти лишь к схоластическим, безжизненным построениям, которые рассыпаются в прах при одном соприкосновении с реальной жизнью.

Выступившие на объединенном заседании товарищи со всей резкостью и справедливостью отметили необходимость направления усилий наших философских кадров на разрешение жизненных, актуальных задач социалистического строительства, на теоретическое осмысление особенностей социалистического базиса и социалистической надстройки, на раскрытие их роли в период перехода от социализма к коммунизму.

Обсуждение вопросов базиса и надстройки, организованное редакцией «Известий» и Сектором философии, несмотря на отдельные недостатки в подготовке этого обсуждения, несмотря на то, что обсуждаемая работа т. Чалояна была написана не на достаточно высоком идейно-теоретическом уровне и содержала ряд ошибочных положений, бесспорно, принесло определенную пользу. Оно дало возможность товарищам в порядке свободной дискуссии, в обстановке свободной борьбы научных мнений глубже понять основополагающие идеи гениальной работы товарища Сталина—«Марксизм и вопросы языкознания».

¹ См. Известия АН, № 7, стр. 85.

² Краткое воспроизведение выступлений участников этого заседания см. в настоящем номере «Известий».